Православие и современность. Электронная библиотека.

Виктория Корхова

Дивный Батюшка
Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского

По благословению епископа епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана

– Ванечка, что ты в ручке держишь? Что это у тебя?

– Ка-фе-тка...

– Конфетка?

Мама осторожно разогнула нежные, тонкие пальчики малыша. На ладошке лежала тёмно-вишнёвая прозрачная горошина... Женщина, быстро окинув взглядом кухню, заметила на полу помятую коробочку из-под лекарства. Тихо, мягко, чтобы не испугать ребёнка, она спросила:

– Ванечка, а где остальные конфетки?

– Съел...

Мальчик поднял глаза на маму и хотел уже было улыбнуться, но... Почему же мамочка такая белая, а глаза такие, будто она увидела что-то очень страшное? И Ваня, уткнувшись лицом в мамину юбку, заплакал. Внезапно ножки его ослабели, перед глазами замелькали какие-то светящиеся точки, дыхание перехватило, а сердечко будто сжала чья-то невидимая рука...

– Мамочка, мамочка! – закричал он и медленно, как во сне, опустился на пол...

Когда приехала «скорая», Ваня уже не плакал. Он лежал бледный и широко раскрытыми глазами, отрешенно смотрел куда-то, как казалось маме, в даль...

Промывание желудка не помогло: видимо, препарат уже впитался.

– В больницу! Срочно! – распорядился доктор.

По дороге малыш потерял сознание.

В приёмном покое дежурный врач объяснил: то количество сердечных таблеток, которое съел Ваня, является для него смертельной дозой, а потому... Словом, он не может обещать, что ребёнок останется жить.

– Мальчика отправили в реанимацию[1]. Врачи сделают всё возможное. Часам к шести вечера что-то, быть может, прояснится. А пока вы сыну помочь ничем не сможете. Идите домой,– и врач, резко повернувшись, ушёл.

«Как “ничем”? Как “домой”? Почему не могут обещать? А кто может помочь? Господи! Куда идти?! Сыночек мой! Маленький мой!.. Единственный мой!..».

Она *не знала*, что делать... Она *не знала*, куда идти... Она *не знала*, к кому идти... Не подозревала она и того, что Промыслом Божиим она окажется там, где ей смогут помочь...

Медленно, бесконечно тянулись часы... А мать всё бродила по сумрачному ноябрьскому городу. Мокрый, холодный снег бил в лицо. Мысли, одна горше другой, разрывали голову... Неужели его маленькое, хрупкое тельце будет лежать в этой ставшей чужой, промёрзшей насквозь земле?..

– Нет, Господи! Нет! Помоги, Господи!!! – женщина, услышав свой собственный отчаянный крик, вздрогнула. Она стояла на мосту. Вода ещё не покрылась льдом, и в ней,

---

[1] **Реанимация** – оживление организма; восстановление угасающих или только что угасших жизненно важных функций организма. **Отправить в реанимацию** – положить в реанимационную палату.

с рябью от падавшего снега, отражался крест. «Да это же Карповка. Монастырь»,– промелькнуло в голове...

Как и что она объясняла сёстрам монастыря – не помнила. Отчетливо же всё начала осознавать только к концу молебна.

– Просите Пресвятую Богородицу и молитесь святому праведному Иоанну Кронштадтскому, и будем надеяться на милость Божию,– напутствовал её священник.

Словно на крыльях летела женщина в больницу. «Верую, Господи! Помоги! – шептала она.– Матерь Божия, защити! Батюшка Иоанн, молись за моего Ванечку!».

Вот и шесть вечера. Скрипнула дверь реанимационной палаты. И врач, несколько озадаченный, но с нескрываемой радостью в глазах, возвестил:

– Случилось невероятное!.. Ваш сын будет жить.

В подобных ситуациях говорят: «Слава Богу». Но лишь пережившие настоящее горе могут вложить в эти, для многих ставшие уже привычными, слова столько благодарности и любви к Творцу нашему и Искупителю – Господу.

Слава Богу! – промолвила мать. Она знала, КТО ей помог...

На следующий день Ванечка уже был дома, бегал, смеялся – словно и не было ничего.

***

В жизни этой семьи многое изменилось с того страшного дня. Господь иногда, по особому Своему смотрению, вразумляет человека через болезнь его детей. Часто лишь перед лицом страшных испытаний мы можем осознать свою немощь и глубочайшую зависимость от Бога, Творца нашего. Ваня с мамой стали посещать храм Божий, исповедоваться, причащаться; часто бывают они в монастыре на Карповке, а особую любовь питают к Батюшке Иоанну – ведь это его чудным заступлением Ванечка остался жив.

Кто же он, этот дивный Батюшка, явивший благодатные примеры дерзновенного предстательства пред Господом, по молитвам которого и ныне исцеляются больные и словно бы сами собой разрешаются многотрудные проблемы?..

Пророком и чудотворцем называли отца Иоанна ещё при жизни. Весь православный русский народ чтил его как праведника, верил в его молитвы и заступничество пред Богом. Для всех он был светильником веры и благочестия. И если бы Россия прислушалась к пророчествам Батюшки, то, возможно, многие тяжелейшие беды и испытания XX века миновали бы её.

Святому праведному Иоанну Кронштадтскому и посвящаем мы эту книгу.

Когда человек – творение Божие – является в этот мир, он кричит, то ли радуясь, то ли печалясь... А это дитя лишь издавало чуть слышный стон: хилым и слабым родилось оно. «Господи, помилуй! Не доживёт ещё до утра!» – встревожилась мать, и отец побежал к священнику, чтобы тот поспешил окрестить новорождённого младенца.

Ребёнка крестили и нарекли Иоанном

В ночь на 19 октября (1 ноября нового

стиля) 1829 года ребёнка крестили и нарекли Иоанном в честь болгарского святого Иоанна Рыльского[2].

Никто и не думал тогда, что этому слабому, болезненному ребёнку суждено стать дивным пастырем, светочем и печальником земли Российской, проповедником покаяния и праведной жизни во Христе.

Родители его – Илия и ФеодОра Сергиевы – были людьми простыми и глубоко верующими. Когда Ваня подрос, отец стал водить его с собой в храм. Церковные правила, богослужебный устав мальчик узнал раньше, чем научился читать и писать. К молитве, церковному благочестию с раннего детства приучала ребёнка мать.

И хотя после Таинства Святого Крещения здоровье Вани стало заметно укрепляться, всё же болел он довольно часто. Много времени приходилось проводить ему в постели; ночами, просыпаясь, он видел одно и то же: зажжённую лампадку перед образом Пресвятой Богородицы и свою горячо любимую маму – она молилась. Часто и сам он, порой не замеченный ею, молился умиленно и трепетно.

***

Много раз в своей жизни удостаивался Иоанн чудесных явлений. Однажды ночью шестилетний мальчик увидел в комнате необычный свет – неземной. В этом свете явился ему Ангел. Видя смущение ребёнка, вестник Божий успокоил Ваню: он, Ангел-хранитель, будет на протяжении всей жизни оберегать его[3]...

Ване много читали. Любимой его книгой было Святое Евангелие. А жития святых так увлекали мальчика, что и сам он жаждал жить только ради Христа, спасаться в пустынях, терпеливо выносить голод и жажду, холод и зной, делиться с дикими зверями скудным пропитанием...

Как хотелось ребёнку самому читать эти дивные истории, но наука чтения не давалась ему, и он очень сокрушался по поводу своей непонятливости.

А наука и в самом деле была непростая...

– Ну читай, пожалуйста!

– Твердо, рцы, аз, веди, аз,– читает мальчик старательно.

– А что вместе получается? – вопрошает мама.

– Твердо, рцы, аз, веди, аз,– опять повторяет дитя.

– Да нет же! – огорчались родители, и всё начиналось сначала.

И в самом деле, звук и букву ребёнку соотнести очень тяжело. Нынешним детям проще: специальные правила помогают им быстро и легко научиться читать. А в XIX веке всё было гораздо сложнее. Каждая буква имела своё название, имя. Например: т – твердо, р – рцы, а – аз, в – веди, д – добро и так далее. Не каждый мог быстро догадаться, что читать надо не по названиям букв, а по звукам. Вот и получается: твердо, рцы, аз, веди, аз – ТРАВА.

---

[2] **Преподобный Иоанн** родился недалеко от города Софии в IX веке. С детства он возлюбил молитву и пост. После смерти родителей, раздав имущество нищим, святой Иоанн поступил послушником в близлежащий монастырь. Через некоторое время подвижник, приняв иноческий постриг, удалился на уединенное жительство в лесную чащу. Нападение разбойников вынудило Иоанна оставить избранное место и переселиться в отдалённую Рыльскую пустыню, где он и прожил в одиночестве немало лет, охраняемый и укрепляемый Господом. Местом его молитвенных трудов и подвигов служила то дикая пешера, а то и дупло дерева, в котором он укрывался от зверей. Однажды пастухи открыли убежище подвижника. Молва о его святой жизни быстро распространилась по всей округе, и к Иоанну стали приносить больных и одержимых нечистым духом людей. Святой, по милости Божией, исцелял их. Приходили и христиане, желавшие подражать его святой жизни. Они устроили церковь под скалой в пещере преподобного; постепенно там вырос и монастырь – Рыльская обитель, существующая до настоящего времени. Преставился ко Господу святой Иоанн семидесяти лет от роду. Честные его мощи почивают в Рыльском монастыре, подавая благодатную помощь всем верующим.

[3] В ночь на 15 августа (28 августа нового стиля) 1898 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, отец Иоанн впервые сподобился видеть во сне Царицу Небесную и слышать Её голос.

Долго не давалась грамота маленькому Ване. Стыдно ему было и перед сёстрами, и перед родителями – у взрослых и так времени мало, а ещё и с ним возись...

Молитва отрока Иоанна ко Господу о даровании разумения

Ночь. Все спят. Тихо и таинственно в доме, лишь мерцает пред иконами огонёк лампадки... Мальчик опускается на колени и просит, со слезами взирая на божницу,– просит у Господа разумения...

Десятый год пошёл Ване, пора и в училище собираться. От родного села до Архангельска – пятьсот вёрст[4]. Через леса, луга, реки вёз отец мальчика в город. Как ему одному там будет, горемычному?

Перекрестил Илья Михайлович сына, велел учителей слушаться – и в обратный путь.

Вот и остался Ванечка один... Шло время, и однажды, сидя на жёсткой кроватке, потрогал мальчик тонкое застиранное одеяло, прислушался к весёлым голосам ребят и... запечалился. Город – чужой, питание – скудное, а главное – на уроках он мало что понимает из объяснений учителей. Одноклассники обогнали его настолько, что пересказывать давно пройденный материал такому непонятливому им неинтересно. Хуже того – домашние задания. Читаешь-читаешь, учишь-учишь – никакого толка! К доске выйдешь на следующий день – учитель только рукой с досады махнёт. И так изо дня в день. Неделя за неделей проходит. Ни с места! Последний ученик в классе! Неужели родители впустую тратят на него скудные деньги – сами-то в нищете живут!

Обидно до слёз! И помочь некому. Что оставалось делать? Конечно, молиться, молиться Тому единственному, Кто несомненно поможет, – Богу... Долго и горячо молился мальчик о том, чтобы Господь просветил его разум на утешение родителям. «Вдруг точно потрясло меня всего,– вспоминал впоследствии сам Батюшка Иоанн.– У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок; я вспомнил даже, о чём и что он говорил. И легко, радостно стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Ещё засветло я вскочил с постели, схватил книги и – о счастье! – читаю гораздо легче, понимаю всё, а то, что прочитал, хоть и сейчас рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше: всё понимал, всё оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике – решил, и похвалили меня даже. Словом, в короткое время я продвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше успевал я в науках и к концу курса одним из первых был переведён в семинарию[5]».

В Архангельской семинарии Иоанн начал учиться в 1845 году. Письменных уроков задавали много, а на покупку тетрадей не у всех хватало денег. Ученики, бывая в городе, часто наведывались в так называемые присутственные места – туда люди приходили с

---

[4] **Верста** – русская мера длины, равная 1,06 км.

[5] **Семинария** – специальное среднее учебное заведение для подготовки священнослужителей.

прошениями. Оформив бумаги посетителей должным образом, служащие хранили их до определённого времени. Потом, если бумага оказывалась ненужной, её выбрасывали. Семинаристы удивлялись: ведь только одна сторона исписана, а бумага уже не нужна... Каким же богачом чувствовал себя Иоанн, когда отдавал ему служащий кипу таких бумаг!

Но самым радостным временем в годы учёбы были для Вани каникулы. Домой он всегда добирался сам. Идти приходилось горами, лесами, по малохоженным тропам, поросшим густой травой. Пятьсот вёрст – не шутка, да и сапоги стоптать можно. Вот Иоанн и нёс их перевязанными через плечо. Порой ночевать приходилось вместе со скотинкой на клочке сена, а иногда добрый хозяин и в дом впускал...

Красив север России! «Суровые сосны высоко поднимают стройные вершины. Дух захватывает. Бог чувствуется в природе. Сосны кажутся длинной колоннадой огромного храма. Небо чуть синеет, как огромный купол. Теряется сознание действительности. Хочется молиться. Идёшь, а мысли далеко-далеко – с Богом...»,– вспоминал позже отец Иоанн. Так и шёл он от самого Белого моря вдоль Северной Двины; от Двины – к большой реке-красавице Пинеге, текущей посреди громадных красно-белых гор, а уж от неё рукой подать до родной реченьки Суры... Ну вот и дома... Бегут навстречу подросшие сёстры... А мама, милая, добрая мама, как всегда, стоит на крылечке, улыбается и облегчённо вздыхает: дождалась-таки...

А где же отец? Конечно, в церкви. Поцеловав мать и обняв сестричек, Ваня бежит к храму – отцу помогать: Илья Михайлович, как и все его предки, служил Господу причетником (церковнослужителем).

А вечером за общим столом – нескончаемые вопросы и рассказы о жизни в городе... Вот уже и глаза у сестёр слипаются – спать хочется. Да братец так интересно рассказывает!.. «Всё! – говорит матушка.– Помолимся... и – покойной ночи».

Утро... Лежит Иоанн, в опочивальне, глаза боится открыть – пропадёт видение. Не первый раз приходит этот сон! Будто он, взрослый уже, входит в огромный незнакомый ему храм. Тихо. Людей почти нет. Свечи зажжены. Теплятся разноцветные лампады... А иконы!.. И в архангельских церквах нет подобных! Вот Иоанн входит в алтарь, видит там всё до мельчайших подробностей... Выходит... В душе – радость неземная. Кто же служит в этом прекрасном храме? Да он, он сам, Иоанн Сергиев... Может, матушке или отцу рассказать о своих снах или сестричкам? Потом как-нибудь.

Быстро каникулы пролетели. В Архангельск пора – на учёбу.

***

В 1851 году Иоанн с отличием окончил семинарский курс и как лучший ученик был направлен в Санкт-Петербургскую Духовную академию[6]. Радоваться бы, но из родного села пришло письмо с печальным известием: скончался Илья Михайлович. Не стало кормильца – не на что жить матери и сёстрам. Ещё с младенчества Иоанн с особой болью сопереживал, чувствовал нужду ближнего, печалился о чужой бедности. Но больше всего Ваня мечтал о том, что он, когда вырастет, обязательно выведет свою семью из нищеты. Умер отец, значит, он, сын его, Иоанн,– единственный мужчина в доме, который должен возложить на себя обязанности главы семейства. Решение созрело немедленно: в Академию не ехать, а искать заработок. Однако Феодора Власьевна с этим не согласилась, и послушный сын отправился в Санкт-Петербург – учиться...

И Господь не оставил избранника Своего: академическое начальство, узнав о нужде Иоанна, предложило ему должность письмоводителя. За самую ничтожную плату – десять рублей в месяц – вечером, после учёбы, а иногда и ночью, он составлял и переписывал деловые бумаги.

---

[6] **Духовная академия** – высшее богословское учебное заведение. Цель её – подготовка служителей Святой Православной Церкви (предпочтительно в священном сане).

Начальство не могло нарадоваться на аккуратного, исполнительного писаря, а Иоанн всё своё небольшое жалованье отправлял осиротевшим матери и сёстрам.

В годы учёбы

Санкт-Петербургская Духовная академия находилась на берегу Обводного канала, чуть левее канала плескалась полноводная Нева. Если у Иоанна оставалось свободное время, он или читал, или гулял по берегу Невы, или уходил в сад, располагавшийся за зданием Академии, на территории Александро-Невской Лавры. Здесь он готовился к экзаменам, молился, и, как в детстве, в архангельских лесах, ему казалось, что вместе с ним молится и вся природа: река, небо, птицы, деревья, цветы, каждая травинка – всякое творение Божие хвалит своего Творца как может. Здесь, в тенистых аллеях Митрополичьего сада, у Иоанна возникла мечта стать миссионером – идти на проповедь христианства в Сибирь, Китай или Северную Америку: ведь в этих уголках земли жили тогда полудикие языческие народы, и все они жаждали уразуметь слово Божие. Правда, вскоре стали приходить другие мысли: «дикари» Петербурга знают Христа не больше, чем дикари языческой Африки... И не лучше ли остаться здесь, среди этих несчастных, забывших Бога христиан?

Однажды, незадолго до окончания Академии, Иоанн опять увидел сон, тот самый, который повторялся ему неоднократно: в сане священника он служит в каком-то неизвестном ему соборе. Увидев в этом сне указание Божие на то, что ему надлежит быть именно пастырем, Иоанн Сергиев окончательно отказался от своего замысла стать миссионером.

Через несколько дней после этого предзнаменования будущий служитель Божий оказался в Кронштадте. Эта крепость была сооружена посреди Финского залива на острове Котлин и охраняла Санкт-Петербург с моря. На просторной площади в центре острова возвышался огромный собор во имя святого апостола Андрея Первозванного. Никогда прежде Иоанн в Кронштадте не был, и когда он переступил порог храма, то замер потрясённый: это был собор, явленный ему в сновидениях...

Сам Господь определил священствовать Иоанну Сергиеву в этой церкви. Но священником мог стать или монах[7], или человек женатый. Молитва, учёба и труд были уделом будущего пастыря все эти нелёгкие годы учёбы в Академии – не было у него невесты.

---

[7] **Монах** в переводе с греческого – одинокий, отшельник. Монахи принимают на себя особые монашеские обеты, помогающие достичь высот духовной жизни: 1) целомудрие (отказ от семейной жизни позволяет целиком посвятить себя служению Богу и молитве за весь мир); 2) нестяжание, добровольная нищета; 3) полное послушание своему духовному отцу.

Однако и теперь Господь не оставил Своего избранника...

Протоиерей Андреевского собора города Кронштадта Константин Несвицкий должен был уйти на пенсию. Место его освобождалось. По сложившейся традиции наиболее вероятным восприемником уходящего на покой священника становился служитель храма, женатый на его дочери. Свершилась и здесь святая воля Божия: окончив Академию, Иван Ильич обвенчался с Елизаветой Константиновной Несвицкой, а вскоре – 12 декабря (25 декабря нового стиля) 1855 года – и рукоположился во священника. Теперь он стал отцом Иоанном, и вся его последующая жизнь в течение пятидесяти трёх лет с тех пор протекала в Кронштадте.

Кронштадт в то время был городом не совсем обычным. Могучая военно-морская крепость служила одновременно и местом высылки из столицы порочных людей: бродяг, пьяниц, нищих, бездельников. Кроме того, приезжали в город и малограмотные крестьяне в надежде найти хоть какой-нибудь заработок. Но мест в заводских мастерских не хватало, да и брали людей всё-таки пограмотнее, поопытнее. Так и эти крестьяне, хотя и невольно, тоже становились нищими бродягами. Ютились несчастные, порой с семьями, на окраинах города, шатались по улицам, попрошайничали и пьянствовали. Их жёны и дети жили в беспросветной нужде, в голоде и холоде. Тот, кто мог, из полусгнивших досок и брёвен строил себе лачугу, некоторые рыли землянки. Во время богослужения эти нищие окружали Андреевский собор – ждали подаяния. Городовой неустанно отгонял их от храма: «Житья от этих оборванцев не стало!». Однако отец Иоанн не позволял обижать бедняков – «ведь нужно любить всякого человека: и в грехе его, и в позоре его. Человек несёт в себе образ Божий, и его не надо смешивать со злом, которое иногда поселяется в людях».

И молодой священник, не боясь запачкаться грязью, стал приходить в лачуги и землянки, посещать бедные квартиры. Он вразумлял и увещевал пьяниц; пока матери стирали или готовили обед, он нянчил их детей. Встречались семьи, настолько поражённые нищетой, что некому было сходить за хлебом, не на что пригласить врача и купить необходимые лекарства. Тогда отец Иоанн сам ходил за покупками, на свои деньги приобретал лекарства и оплачивал визит доктора. И когда от его жалованья не оставалось даже копейки, он отдавал свою одежду, сапоги, шапку... Нередко видели Батюшку возвращающимся домой полураздетым, без обуви. Денег не было, но оставались твёрдая вера в милосердие Божие и надежда, что Господь пошлёт средства – ведь не оскудевает рука дающего.

Не всем было понятно такое поведение священника. Многие люди им были недовольны: дело пастыря – службу вести, а не с нищими забавляться. Некоторых это задевало за живое – сами-то они так не могли. Не понимали святого. Даже жена первое время встречала его с удивлением. «Я священник. Чего же тут? Значит, и говорить нечего: не себе, а другим принадлежу. Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно. А мы с тобой посвятим себя на служение Богу»,– говорил обычно отец Иоанн, и Елизавета Константиновна стала сестрой милосердия, неустанно помогая своему супругу в его высоком служении ближним.

Поначалу и сами эти грубые, очерствевшие от беспросветной нужды и пьянства люди не понимали святого порыва пастыря, косились на него, а порой встречали враждебно. Но время шло... Батюшка оставался таким же отзывчивым, милосердным, любвеобильным, бескорыстным и незлобивым, готовым всегда – даже ночью – прийти на помощь, утешить, выслушать... И окаменевшие сердца размягчались. Воистину Господь послал этим несчастным не просто благодетеля, но верного друга и наставника!

Сохранилось множество рассказов о том, как спасал молодой священник погибающие души. Вот только один из них, поведанный самим участником этих событий.

«Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз Батюшку. У меня была семья, двое детишек, старшему три года. Рано я женился. Работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку пО миру собирала. Жили в дрянной конурке, на конце города.

Прихожу раз не очень пьяный... Вижу, какой-то молодой батюшка сидит и на руках сынишку держит и что-то ему говорит ласково. И ребёнок серьёзно слушает. Может быть, грех, но мне всё кажется, Батюшка был как Христос на картинке “Благословение детей”. Я было ругаться хотел: вот, мол, шляются... да глаза Батюшки, и ласковые, и серьёзные в одно время, меня остановили. Стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит, прямо в душу смотрит. Не смею я передать всё, что он говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло, и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, всё оправдывал, только мне было не до оправдания.

Ушёл он, а я сижу и молчу... Не плачу... хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал».

А сколько было таких – пьянствующих, ворующих, озлобленных на весь свет! И скольким из них помог отец Иоанн участием, советом, молитвой, деньгами!..

Летом Батюшка любил бывать за городом. Когда он присаживался где-нибудь на полянке, тотчас же собирался народ – дети, женщины, старики и отец Иоанн рассказывал, как он говорил, «своим детям» о Господе, о крестных страданиях Сына Его, о всепрощающей любви и милосердии... Вот малыш забрался к Батюшке на колени и теребит бороду, другой доверчиво прижался к его рясе[8]. Бежит босоногая девчушка и протягивает любимому пастырю букетик полевых цветов...

Дни шли за днями... О дивном пастыре знали уже не только в Кронштадте, но и далеко за его пределами. Никто больше не смеялся над отцом Иоанном. Ему верили, его любили и уважали, ему доверяли. Ему были открыты все души...

Однажды с Батюшкой произошёл случай, поразивший даже его самого. После службы к нему подошла пожилая женщина и попросила помолиться о выздоровлении её тяжело болящего сына, которого врачи уже приговорили к смерти. «Только вы уж, Батюшка, не просто молитесь, а просите выздоровления моего сына: он у меня один»,– взывала она. Иметь дерзновение просить у Господа выздоровления?! Достоин ли он?! Но старушка твёрдо верила в силу молитвы отца Иоанна, и он стал горячо молиться об исцелении умирающего. Глас моления праведника был услышан Господом: Бог явил Свою милость – больной выздоровел.

И потянулись к кронштадтскому пастырю страждущие. Исцеления по его молитвам повторялись, в чем отец Иоанн прямо усмотрел для себя благую волю Божию – молиться за тех, кто будет этого просить. И тогда, когда медицина оказывалась бессильна, молитвой и возложением рук на страждущего Батюшка, с помощью Божией, стал излечивать тяжелейшие болезни. Прозревали слепые. Исцелялись бесноватые. Воскресали мёртвые...

* * *

Расскажем лишь несколько случаев.

Единственная дочь известного московского сахарозаводчика тяжело заболела, и врачи приговорили её к смерти. Тогда больная упросила родителей пригласить к ней отца Иоанна, и он приехал.

Как только умирающая увидела священника, быстро сползла с кушетки к его ногам и закричала:

– Батюшка, я жить хочу, а доктора сказали, что я умру!

– И будешь жить. Чего ты плачешь? Только просить исцеления нужно не у тех врачей, что приговорили тебя к смерти, а вот Этого Врача,– спокойно ответил отец Иоанн и указал на икону Спасителя.

Затем, опустившись на колени, он стал усердно и горячо молиться – пот выступил на его лице и волосы прилипли ко лбу... Закончив молитву, пастырь обратился к отцу больной со словами:

---

[8] **Ряса** – верхнее одеяние лиц духовного звания и монахов, с широкими рукавами.

– Мне здесь больше нечего делать.

Мать в полном отчаянии, со слезами бросилась к нему:

– Что, Батюшка, она умрёт?

– Да нет же, она здорова! – успокоил её священник и, попрощавшись, уехал.

Больная стала быстро поправляться и скоро была совершенно здорова.

Удивительны и заочные[9], на расстоянии, исцеления по письмам и телеграммам, которые приходили в Кронштадт каждый день сотнями.

Девятилетняя Зина заболела воспалением лёгких. Врач после нескольких визитов объявил матери, что положение ребёнка безнадёжно и медицина бессильна спасти его. Доктор ушёл, и мать осталась с умирающей одна, в самом подавленном состоянии. В этот ужасный момент в голове у неё промелькнула вселяющая надежду мысль: она вспомнила рассказы об отце Иоанне Кронштадтском, позвала мужа и велела написать письмо.

Конверт с просьбой помолиться об умирающей Зинаиде был немедленно отнесён на почту.

Ночь и весь следующий день прошли очень тревожно: больная хрипела, дышать ей было трудно, температура поднялась невероятно высоко. Борьба жизни со смертью была решительной. В такой тревоге и напряжённом состоянии родители находились до самого вечера. Вдруг Зина пошевелилась, освободила ручку и произнесла слабым голосом: «Мама, я хочу есть». Изумлённая мать помогла ей приподняться. Девочка села, но не могла держаться от слабости. Отец принёс молоко, и мать начала поить ребёнка с ложечки. Прошло совсем немного времени, и к ней вернулись силы. Она даже встала с помощью матери. Ночь была спокойной...

На следующее утро было получено письмо из Кронштадта от отца Иоанна. Он писал, что в таком-то часу, такого-то дня и числа он отслужил молебен о здравии болящего младенца Зинаиды, молился об её исцелении и прислал своё благословение.

В слезах, но уже от великой радости, мать вспомнила час, когда дочь попросила есть, и, к общему удивлению, час молитвы отца Иоанна в Кронштадте о болящей совпал с этим временем. Сомнений в чудесном исцелении не оставалось.

Были случаи и воскрешения мёртвых. Сам Батюшка писал о том, как был приглашён помолиться о болящем, но когда приехал, то ребёнок уже был мёртв; лишь после его молитвы мальчик ожил.

А вот ещё одна история.

«Это было в 1900 году,– вспоминал князь Лев Александрович Бегильдеев.– Я был молодым офицером... Жил с матерью и сестрой.

В январе или феврале этого года я заболел брюшным тифом[10]. Положение моё было очень тяжёлое. Доктора, исчерпав все средства, бывшие в их распоряжении, теряли всякую надежду. Тогда мать, по моей просьбе, послала телеграмму отцу Иоанну, испрашивая его молитв. После этого я потерял сознание и положение моё было столь безнадёжным, что горячо меня любившая мать, не в силах видеть меня умирающим, ушла в другую комнату. Доктор, приказав делать впрыскивание[11] камфары[12] для поддержания деятельности сердца, ушёл на некоторое время. При мне оставалась сестра, бывшая около моей кровати неотлучно, и один из моих товарищей... Сестра утверждает, что вскоре я перестал дышать, пульс прекратился, и я лежал как мёртвый, но она настойчиво продолжала делать впрыскивания, предписанные доктором. Через некоторое время она заметила во мне признаки жизни: я начал дышать и появился пульс. Я стал оживать. Этот момент, по нашим предположениям, совпадал с моментом получения отцом Иоанном телеграммы. После этого я медленно начал поправляться и наконец выздоровел. Я, сестра

---

[9] **Заочный** – происходящий в отсутствие заинтересованного лица.

[10] **Тиф** – заразная болезнь, сопровождающаяся сильным лихорадочным состоянием (жаром и ознобом).

[11] **Впрыснуть** – ввести лекарство под кожу шприцем.

[12] **Камфара** – сильно пахнущее вещество, применяемое в медицине при некоторых заболеваниях для поддержания кровообращения, дыхания, а также для поддержания деятельности сердца.

и мать твёрдо верили, что силою молитвы отца Иоанна я был воскрешён, другие же – что я был исцелён».

Когда эти воспоминания князя Л.А. Бегильдеева прочитал известный доктор медицины, то на вопрос, могли ли впрыскивания камфары вернуть умершего к жизни, он ответил, что после прекращения дыхания и пульса впрыскивания не могли помочь,– тут, несомненно, было чудо, явленное по молитве отца Иоанна Кронштадтского.

Но особенно поразительны случаи исцеления бесноватых...

В церковь вбежала женщина, стала кричать и бесноваться. Батюшка подошёл к ней. Тогда бесноватая набросилась на него, пригнула к земле и протащила несколько шагов. Отец Иоанн не выпускал её. Бес, сидящий в несчастной, стал кричать страшным голосом:

– Я уже стар... насмерть сделано, не выйду...

– Нет, выйдешь,– спокойно ответил священник и начал кропить больную святой водой.

Бесноватая стала утихать, и тот же голос спросил:

– Куда велишь выйти?

Батюшка улыбнулся и проговорил:

– В бездну.

Лицо женщины озарилось какой-то неземной радостью. Из храма она вышла здоровой.

А вот рассказ как будто бы совсем простой. Но если вникнуть в него, то придёшь в благоговейный трепет от величия и силы Божией...

Купец, специально приехавший из центральной России к кронштадтскому батюшке, в Андреевском соборе подходил ко кресту. Рядом с отцом Иоанном держали блюдо: на него клали пожертвования на бедных. Неожиданно для всех Батюшка сгрёб с этого блюда все деньги и отдал купцу. Тот стал отказываться, говоря, что он сам человек состоятельный и может положить для нуждающихся и не такую сумму. Но священник настаивал: «Возьми, тебе пригодится». Недоумевающий купец, не смея ослушаться, взял деньги. Когда же он вернулся домой, то узнал, что его склады с товарами сгорели дотла, и если бы у него не было батюшкиных денег, то он оказался бы нищим...

Удивительно! В соборе, вмещавшем до семи тысяч человек, к отцу Иоанну в толпе подошёл совершенно неизвестный ему человек, и Господь дал Батюшке знание о том, что происходит далеко-далеко от Кронштадта и что это событие – пожар – относится именно к этому купцу, подходящему ко кресту. Воистину на отце Иоанне почивал Дух Божий!

* * *

С 1857 года отец Иоанн начал преподавать Закон Божий в Кронштадтском городском училище. Уроки Батюшки всегда были живые, интересные; плохих отметок он не ставил. Да и иметь даже тройку по Закону Божию считалось позором. Ребята так любили, уважали и ценили отца Иоанна, что скорее предпочитали под каким-нибудь предлогом уйти с урока, чем явиться неподготовленными. Был даже такой случай. Один из учащихся на экзамене ответил очень плохо, но Батюшка настоял на том, чтобы ему поставили четвёрку – ведь на протяжении всего обучения в гимназии мальчик учился старательно, имел прекрасные отметки. После этого прошло много лет, но бывший ученик отца Иоанна избегал встреч с Батюшкой, находя, что он опозорил своего учителя перед всеми своим дурным ответом и не оправдал доверия.

«Неспособных» учеников у отца Иоанна не было. И сильные, и слабые – все усваивали его беседы. Батюшка рассказывал так увлекательно, так вдохновенно, что ребята и после звонка на перемену не хотели расходиться.

Конечно, особое внимание законоучитель уделял так называемым неспособным учащимся. Их, порой несправедливо, считали ленивыми. Отец Иоанн брал таких ребят на поруки – ведь и сам Батюшка был когда-то отстающим учеником, а потому очень хорошо понимал их беды, их проблемы, их душевную боль... Любовь, внимание, ласка были для

таких детей всё равно что солнце для растения. И вот недавний двоечник уже хорошо учится, а то и первым учеником становится...

Двадцать пять лет преподавал отец Иоанн. Надо ли говорить, что заработанные деньги, все до последней копейки, он раздавал нуждающимся? Но могли ли эти крохи помочь всем нищим Кронштадта?! Нет! Тогда Батюшка решил обратиться за помощью к жителям острова. В 1872 году в газете «Кронштадтский вестник» появилось обращение ко всем горожанам, в котором известный пастырь просил помочь бесприютным беднякам. Он писал о том, что среди этих нищих, ожидающих подаяния у храмов или лавок и заборов, встречаются молодые и здоровые. Но всякий ли додумывается, вопрошал он, до настоящей причины их бедности? Есть бедность от рождения, есть бедность от неспособности к труду по причине старости, есть бедность от потери работы, есть бедность от лености, есть бедность от пристрастия к хмельным напиткам; в большей же части случаев – это бедность от того, что людям негде работать, не в чем и нечем: нет одежды, обуви, инструментов... «Не гнушайтесь,– убеждал Батюшка,– ведь это братья наши, хоть и не привлекательные по наружному виду... Во имя христианства, во имя человеколюбия взываю: поможем этим бесприютным беднякам!..».

Отец Иоанн с детьми

Теперь уже многие верили отцу Иоанну, его воззвания нашли в сердцах людей деятельный отклик: люди стали собирать деньги, посильно, кто сколько мог. В Кронштадте было решено устроить целый городок – Дом трудолюбия. Когда было собрано достаточное количество денег и выделен участок, началось строительство.

Многие, зная о благотворительной деятельности отца Иоанна, жертвовали ему значительные суммы, в том числе и почтовыми переводами из других городов. Открытие Дома трудолюбия состоялось в 1882 году, а пожертвования продолжали поступать. Батюшка говорил: «У меня своих денег нет. Мне жертвуют – и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислал мне то или другое пожертвование. Потому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу». Нередко отец Иоанн к концу дня оставался без копейки в кармане, а утром ему нужны были тысячи рублей. Но Господь через добрых людей посылал потребную сумму, и деньги опять распределялись среди нуждающихся. И так изо дня в день. Но что поразительно: оказывая помощь бедным, Батюшка помогал и богатым – давал им возможность сделать доброе дело, проявить милосердие.

Дом трудолюбия разрастался год от года. В нём было две фабрики, мастерские, в которых работали до двадцати пяти тысяч человек. Были открыты вечерние курсы ручного труда – на них обучали различным специальностям. Дети и подростки могли записаться в бесплатную начальную школу, мастерскую, где обучали необходимым ремёслам[13], рисовальный класс, сапожную мастерскую, мастерскую женского труда. В

[13] **Ремесло** – профессиональное занятие: изготовление изделий ручным способом.

городке была большая библиотека. Устраивались концерты. Были даже зоологический кружок и кружок военной гимнастики. Для взрослых работала воскресная школа, устраивались народные чтения на религиозные, исторические и литературные темы. Имелся приют для детей-сирот и детский дом для малышей. Открыли и загородную летнюю дачу для детей, богадельню[14] для престарелых и неимущих женщин и большой каменный ночлежный дом, где бездомные могли бы переночевать. Работали бесплатная поликлиника и столовая, выдававшая в день восемьсот благотворительных обедов. Помогали всем – ведь в беду мог попасть любой человек, любого возраста, состояния, национальности, веры. При Доме трудолюбия был открыт и храм во имя святого благоверного князя Александра Невского – здесь всякий скорбящий находил утешение, а нуждающийся мог получить небольшую сумму денег или одежду и обувь.

Тогда об отце Иоанне писали все российские газеты. К тому времени его уже называли отцом Иоанном Кронштадтским. Да и сам он стал подписываться не Сергиевым, а Кронштадтским.

***

Батюшку любили и почитали не только в Кронштадте и Петербурге, но и по всей России и даже за рубежом.

Почти каждый день отец Иоанн ездил в Петербург. И все полтора часа переезда на пароходе по Финскому заливу его окружала толпа жаждущих получить наставление, благословение, исцеление...

В Петербурге Батюшка первым делом навещал тяжело больных. Заходил и к старым знакомым. Довольно часто проведывал отец Иоанн одно купеческое семейство, проживавшее на Васильевском острове. Там и произошла эта весьма поучительная история, о которой мы и расскажем сейчас.

В том же доме, где размещался купец, жили тогда и три молодых человека. Они никак не могли понять, почему все так любят Батюшку, почему при известии о его появлении тут же собирается толпа... Однажды им пришла в голову мысль «посмеяться» над врачующей силой молитв кронштадтского пастыря. Они задумали нечто страшное – обмануть священника: один из них прикинулся тяжело больным, другой же выдал себя за его брата. И тогда третий, самый бойкий из них, немедленно отправился на квартиру купца, где в это время находился отец Иоанн, и стал просить Батюшку зайти к его умирающему товарищу. Выслушав просьбу молодого человека, священник пристально посмотрел на него и промолвил:

– Я никому не отказываю в молитве и зайду к вам, но помните, что вы шутите с Богом!

Проситель, хоть и смутился немного, всё же настаивал на своём, уверяя, что его товарищ при смерти.

– Хорошо, я сейчас буду,– заверил Батюшка.

Через десять минут в квартире молодых людей раздался звонок. Тут же младший из них нырнул в постель, накрылся одеялом и начал слабо стонать. Другой опустился перед его кроватью на колени. А «проситель» бросился отворять дверь.

– Где ваш больной? – отрывисто спросил отец Иоанн, делая ударение на слове «ваш».

– Пожалуйте, батюшка, пожалуйте,– засуетился товарищ мнимого[15] больного и повёл гостя в спальню.

Священник остановился посреди комнаты, поискал глазами образ, но иконы не было. Тогда он опустился на колени и, перекрестившись, начал молиться.

– Господи, пошли им по вере их. Аминь.

---

[14] **Богадельня** – приют.

[15] **Мнимый** – притворный, ложный.

Отец Иоанн быстро поднялся и, не прощаясь, направился к выходу. Двое товарищей побежали проводить его до лестницы...

С громким смехом, довольные тем, что им так ловко удалось обмануть известного пастыря, возвратились они в комнату.

– Ваня, Ваня, вставай, отец Иоанн уехал.

– Да вставай же, полно притворяться, ведь он уехал...

Но несчастный не притворялся. Он лежал неподвижно: язык, руки, ноги – всё словно омертвело, и только усиленное моргание глаз показывало, что юноша жив и что-то хочет сказать.

Шутники от ужаса оцепенели. Они не понимали, что происходит, а когда пришли в себя, переглянулись и горько заплакали над «живым трупом».

– Ваня, Ваня, над Богом мы хотели посмеяться! Прости, прости нас...

Три опытных врача всю ночь провели у постели теперь уже настоящего больного.

– Помочь мы не можем. Болезнь эта неизлечима. Вероятно, страшный недуг поразил вашего товарища,– сказали они.

И молодые люди, не решаясь открыть врачам истину, разрыдались.

Наутро с первым же пароходом оба шутника отправились в Кронштадт. Отец Иоанн не мог их принять до вечера, а когда ему доложили о молодых людях, он велел передать им, что ничего для них сделать не в состоянии. Всю ночь продежурили юноши у старенького домика и, когда поутру Батюшка вышел на крылечко, бросились ему в ноги, умоляя простить их.

Добрый пастырь повёл молодых людей в церковь. После службы все вместе подошли они к иконе Николая Чудотворца. Около двух часов длилась беседа. Священник, указав на неприличие их поступка – нельзя шутить с людьми старше их, рассказал юношам о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, о Его крестных страданиях, Его учении.

– Теперь помолимся,– сказал отец Иоанн, и друзья опустились на колени. Никогда они не молились так, как в те минуты. Икона святителя Николая казалась им живым ликом, сначала грозным, а потом всё более и более милосердным.

– Поезжайте с Богом,– благословил священник ребят,– и Его славословьте.

У юношей словно гора с плеч свалилась. Они чувствовали непонятную для них радость: душа ликовала, всё окружающее виделось им в радужном свете.

Домой товарищи попали к вечеру. Дверь отворил им... Ваня.

– Ваня, ты ли это? Ты здоров! – и друзья бросились обнимать его; слёзы, но уже радостные, хлынули из глаз бурным потоком.

– Почти здоров. Голова только тяжёлая, и какая-то усталость во всём теле...

Оказалось, что в тот именно час, когда в Кронштадте отец Иоанн молился с молодыми людьми у иконы Николая Чудотворца, Ваня почувствовал улучшение, постепенно к нему стала возвращаться возможность владеть онемелыми руками и ногами. Первым движением окрепшей правой руки было крестное знамение.

Конечно, молодым людям уже больше никогда не приходило в голову смеяться над вопросами веры.

***

Домой Батюшка возвращался после полуночи. «Покой наш будет там,– говаривал обычно он и указывал на небо,– если только заслужим его здесь».

А день праведного Иоанна Кронштадтского начинался около трёх ночи с утренней молитвы. Затем – подготовка к служению Божественной литургии[16].

---

[16] **Литургия** – самое важное богослужение, во время которого совершается величайшее Таинство (оно именуется Евхаристией): хлеб и вино действием Божественной благодати претворяются в истинные Тело и Кровь Христа, Сына Божия. На литургии верующие причащаются этими Святыми Дарами.

Служение литургии требует особой отдачи от священнослужителя – ведь это непрерывный пламенный молитвенный порыв к Богу. И Батюшка служил, будто охваченный внутренним огнём, казалось, что сам он – ангел, предстоящий Богу.

С самого начала своего пастырского служения отец Иоанн принял на себя почти беспримерный подвиг – ежедневное служение Божественной литургии. Именно поэтому Кронштадтского пастыря на иконах изображают с потиром[17] в руках. Батюшка призывал как можно чаще приобщаться Святых Христовых Таин, о животворящем действии которых он сам многократно писал, например, так: «Девушка, совсем умиравшая после причастия Святых Таин в тот же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тем как она была почти в беспамятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава животворящим и Страшным Твоим Таинам, Господи!»

Около четырёх часов утра отец Иоанн выходил из дома, чтобы успеть к утрени[18] в Андреевский собор. На улице с ночи его уже поджидали толпы нищих. Он сам раздавал им милостыню. Всю дорогу до храма его окружало неимоверное число просителей, и порой Батюшке с трудом удавалось войти в церковь.

Во время утрени отец Иоанн сам читал положенные молитвы. Часто во время пения он опускался на колени и, закрыв лицо руками, горячо молился, со слезами.

После утрени – Проскомидия. Так называется та часть Божественной литургии, на которой для Таинства Евхаристии священник приготовляет хлеб и вино, которые во время литургии Господь невидимо прелогает в Свои пречистое Тело и честную Кровь. Во время совершения этого Таинства священник вынимает из просфор[19], подаваемых верующими, частички с молитвой о здравии живых и об упокоении усопших.

На Проскомидии, совершаемой отцом Иоанном, просфор было так много, что их приносили большими корзинами. Многие лично подходили к Батюшке с просьбой помянуть своих родственников, вынуть частичку хотя бы из одной просфоры. Кроме того, отец Иоанн получал ежедневно свыше тысячи писем и телеграмм с просьбами помолиться об исцелении больных, признанных врачами безнадёжными. Писали не только со всех концов России, но и из других стран, из Азии и из Америки. У батюшки были секретари для прочтения этих писем и телеграмм и для ответов на них. Возникает вопрос: как получали исцеление по молитвам отца Иоанна те больные, о которых просили родные в этих письмах и телеграммах, ведь Батюшка физически не успевал их прочитать? А вот как... Перед отцом Иоанном лежали горы корреспонденции[20], и он, вынимая частицы из просфор, дерзновенно, с упованием на милость Божию, взывал: «Помяни, Господи, всех заповедавших мне молиться о них». Этой краткой молитвы великого угодника Божия было достаточно, чтобы Божественной благодатию, пребывавшей в Батюшке, совершались чудеса во всех концах вселенной.

Но вот Проскомидия закончилась, и отец Иоанн выходит из алтаря исповедовать. В первые годы своего пастырства, когда верующих в храме было не очень много, он исповедовал каждого человека отдельно, каждому уделял довольно много времени, с некоторыми говорил часами. Но постепенно людей в церкви становилось всё больше и больше, и исповедь тогда шла по двенадцать часов в сутки без перерыва. Батюшка принимал исповедь стоя. Исповедники же, ожидая своей очереди, часто не выдерживали и

---

[17] **Потир** – чаша, в которой во время литургии вино претворяется в Кровь Христову и из которой причащаются верующие.

[18] **Утреня** – церковное богослужение, совершающееся утром. Оно состоит из молитв и песнопений, в которых мы исповедуем свою греховность, испрашиваем милости Божией, вспоминаем пришествие Спасителя в мир и Его славное воскресение, славословим Господа и Его святых угодников.

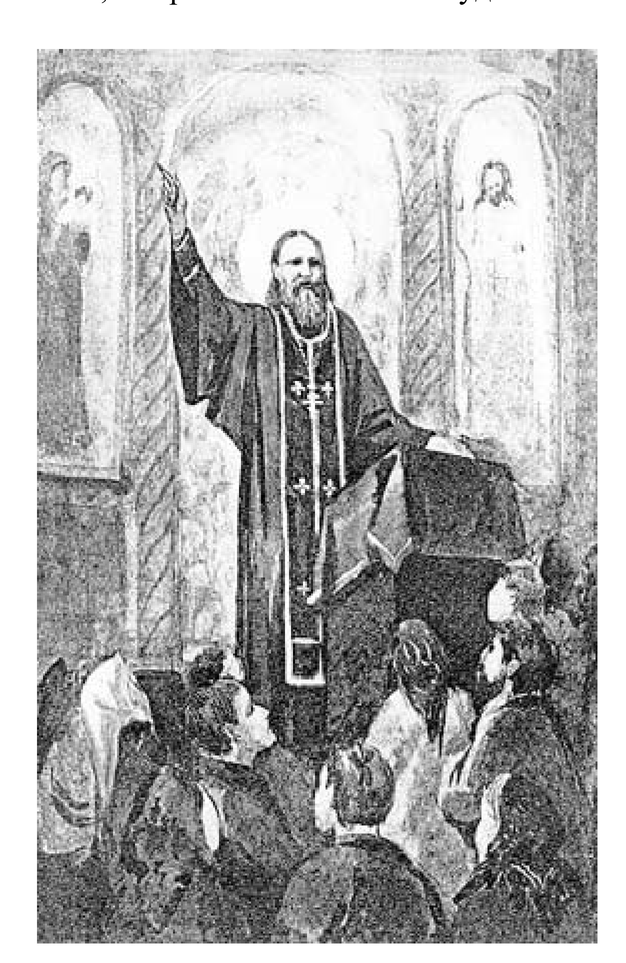
[19] **ПросфорА** – особенным образом испечённый хлеб, употребляемый для совершения Таинства Евхаристии, состоящий из двух частей, которые изображают две природы Иисуса Христа: Божественную и человеческую. На верхней части просфоры специальной печатью делают оттиски изображений креста, Божией Матери, святых. Пекут этот хлеб из лучшей пшеничной муки с употреблением дрожжей, готовят тщательно и благоговейно.

[20] **Корреспонденция** – письма, почтово-телеграфные отправления.

садились, некоторые даже ложились на пол. В конце концов, когда в соборе стало собираться до пяти тысяч человек сразу, отец Иоанн, по необходимости, ввёл общую исповедь. На всех участников и очевидцев она производила неизгладимое впечатление.

Перед исповедью Батюшка чистым, громким голосом читал молитвы. И молился он так, что слова молитвы проникали в душу каждого. Отец Иоанн всегда старался объяснить покаянные молитвы простым, доступным языком – и ему удавалось достучаться до каждой души, растопить лёд самых холодных сердец. Даже заходившие в собор случайно, из любопытства, выходили другими – покаявшимися, обновлёнными, с твёрдым намерением начать новую жизнь.

– Грешники и грешницы, подобные мне! – так, искренне считая себя худшим из людей, начинал исповедь отец Иоанн.– Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу, Спасителю нашему, покаяния во грехах и потом приступить к Святым Таинам... Приготовились ли вы к восприятию благодатного Таинства? Знаете ли, что великий ответ несу я пред Престолом Всевышнего, если вы приступите, не приготовившись? Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь. Господь Бог – Страшный Судия всей земли. Он не смотрит ни на чьё лицо: мужчина или женщина, отрок или отроковица, царь или простолюдин, барин или мужик, генерал или солдат, богатый или бедняк. Перед Ним все равны: Он смотрит на сердца, смотрит, каково упование[21] человека, какова его вера, каковы его дела... Как силён грех! Грехи – это воры, разбойники, которые постоянно обкрадывают нас. Они облекаются обыкновенно в благородные, заманчивые одежды и делают нас бедняками перед Богом... Кто из нас без грехов? Кто не горд? Кто не честолюбив[22]? Кто не обижал друг друга? Кто не оболгал ближнего своего?.. Кайтесь, кайтесь, в чём согрешили!

Кайтесь, кайтесь, в чём согрешили!

И вот храм, ещё несколько минут назад тихий, спокойный, начинает наполняться страшным, невообразимым шумом. Кто плачет, кто громко рыдает, кто стоит в безмолвном оцепенении, кто со стоном раскаяния падает на колени. Многие, нисколько не стесняясь, вслух исповедуют свои грехи:

– Не молимся, ругаемся, сердимся, гневаемся, осуждаем ближних, неблагодарны, злы...

Батюшка в это время дерзновенно предстоит в молитве Господу. Взор его устремлён к небу. По лицу катятся крупные слёзы. Даже тогда, когда отец Иоанн закрывает лицо руками, слёзы всё же просачиваются меж пальцев и капают на холодный церковный пол. Он плачет, и его слёзы соединяются с покаянными слезами исповедников. Священник скорбит и радуется вместе со всеми как истинный пастырь народа Христова. А эти грешные, заблудшие овцы, видя слёзы на лице любимого Батюшки и поняв состояние его

---

[21] **Упование** – надежда.
[22] **Честолюбие** – чрезмерная жажда почестей, стремление к почётному положению.

души в настоящие минуты, они ещё больше начинают стыдиться самих себя. Рыдания усиливаются, кто-то стонет, кто-то, пытаясь перекрыть своим голосом шум в храме, кричит: «Господи! Прости меня, вора окаянного! Господи! Скольких обидел, обманул!». И чистая река покаянных слёз течёт к Престолу Божию, омывая в своих струях загрязнённые души. Кажется, громадный собор дрожит от потрясающих его воплей кающихся людей...

Перекрестившись в знак благодарности за покаянные слёзы людские, отец Иоанн взывает к народу:

– Тише, тише, братья.

Не скоро в храме водворяется желанная тишина. Но мало-помалу всё смолкает. Лишь изредка слышны вздохи, да слёзы бегут по щекам молящихся...

– Слушайте,– медленно произносит Батюшка.– Мне, как и всем священникам, Господь даровал власть вязать и разрешать грехи человека. Над принесшими покаяние я прочитаю разрешительную молитву[23]. Наклоните свои головы: я накрою вас епитрахилью[24], благословлю и получите от Бога прощение грехов...

Тысячи голов смиренно преклоняются, читается разрешительная молитва. Отец Иоанн вознося над стоящими в храме епитрахиль, проводит ею по воздуху на все четыре стороны и благословляет народ. Таинственная и торжественная минута! Небо примиряется с землёй; грешники с Безгрешным.

Радостный, освобождённый от тяжкого греховного бремени народ облегчённо вздыхает и со слезами благодарности смотрит на кроткое, сияющее лицо своего дорогого пастыря, который вывел овец своих из мрачных дебрей греха на светлый путь добродетели к дому Отца Небесного.

И вот наконец вынос пречистых и животворящих Таин Христовых. Началось причащение. Сколько благоговения! Сколько умиления! Сколько тихой радости!

– Господи, сподоби причаститься!

– Батюшка, дорогой, причасти!

А сколько слёз!.. У некоторых они изливались моментально, стоило им только приблизиться к Святой Чаше.

Причастие продолжалось два-три часа...

***

После службы, окружённый множеством верующих, отец Иоанн заезжал минут на пятнадцать домой, а затем торопился к ожидавшим его людям, приехавшим в Кронштадт издалека и собравшимся в гостиницах и на частных квартирах. У каждого из них была своя просьба – помолиться о болящих, дать совет, утешить в горе, помочь деньгами...

В таком напряжении духа жил кронштадтский пастырь постоянно. Ежедневный христианский подвиг батюшки Иоанна для всей России имел огромное значение. Его портреты в домах помещались рядом с царскими – ведь он, будучи всероссийским пастырем, молитвенником и щитом веры православной, был близок подвигу всероссийского императора – помазанника Божия, защитника и хранителя Православия.

Да и само служение отца Иоанна тоже стало подвигом.

В любом месте, где бы он ни появлялся, его встречали толпы. А когда жители различных городов России стали просить, чтобы Батюшка посетил их, тогда он решил совершить путешествие по Волге на пароходе. Во время всего плавания огромное

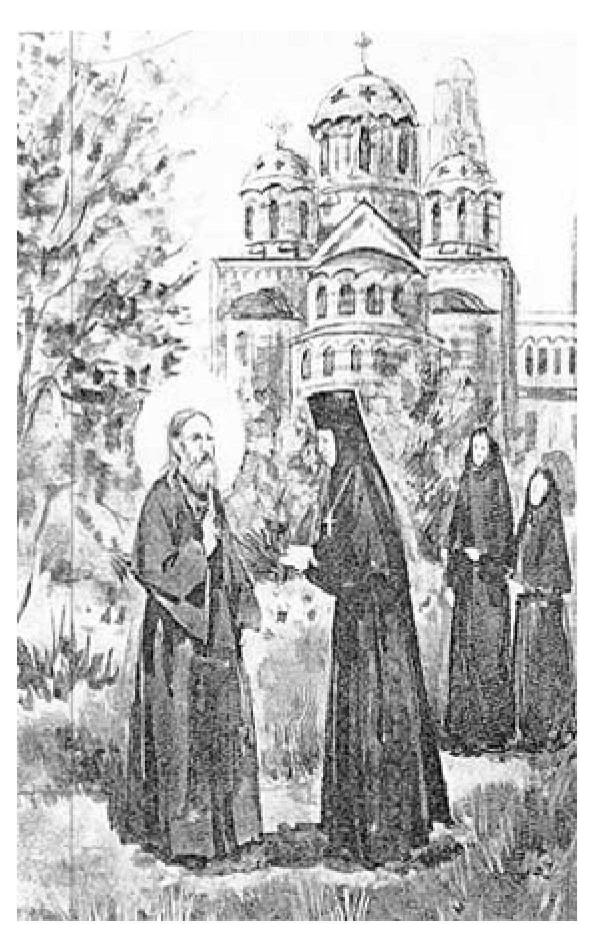
[23] **Разрешительная молитва** – отпущение грехов в Таинстве Покаяния; священник прощает и разрешает грехи кающимся властью, данной ему Иисусом Христом.

[24] **ЕпитрахИль** – часть священнического облачения, надеваемая на шею. Представляет собой как бы двойную ленту – широкую на груди и узкую на шее. На груди она скреплена пуговицами и простирается до низу. Епитрахиль означает сходящую свыше благодать Святаго Духа. Без епитрахили священнику нельзя совершать ни одной службы.

количество людей постоянно бежало вдогонку по берегу, боясь отстать от судна. Как только пароход приближался к причалу, народ падал на колени.

Иоанну Кронштадтскому такая слава была неприятна – он всегда ценил смирение души. Но Батюшка нёс это бремя как ещё одно испытание...

Конечно, нельзя осуждать такое стремление простых душ к любимому Батюшке. «Единственный на всю Россию молитвенник и чудотворец, огонь, зажигающий всех»,– так говорили о кронштадтском пастыре...

Батюшка с сестрами Иоанновского женского монастыря

Осенью 1894 года Российское государство было потрясено печальным известием: умирал император Александр III. Отец Иоанн поспешил в Крым. Из рук всемирно известного пастыря, после исповеди, государь принял Святые Дары. После причастия Батюшка совершил и Таинство Елеосвящения[25]. Затем император выразил желание, чтобы Батюшка возложил свои руки на его голову.

– Не тяжело ли Вашему Величеству, что держу долго руки мои на голове Вашей? – спросил отец Иоанн.

– Напротив,– ответил государь,– мне очень легко, когда Вы их держите.

Батюшка не убирал своих рук до тех пор, пока душа помазанника Божия Александра III не отошла ко Господу...

Несмотря на свою постоянную занятость, отец Иоанн с первых же дней своего служения вёл дневник, в который он ежедневно записывал свои мысли, приходящие во время молитвы, в мгновения благодатного озарения души всепросвещающим Духом Божиим. Впоследствии вышла книга, которую сам Батюшка назвал «Моя жизнь во Христе». Она стала настоящим учебником духовной жизни для всех, желающих идти путём спасения. Книгу читали не только в России, но и за рубежом – её перевели на многие языки.

Отец Иоанн был устроителем и благотворителем множества храмов, монастырей, монастырских подворий по всей России. Позаботился Батюшка и о своих родных местах. Основал там женский монастырь во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, построил каменный храм и здание для церковно-приходской школы. А на реке Карповке в Петербурге устроил подворье Сурской женской обители, которое позже было обращено в Иоанновский женский монастырь, названный так тогда по имени преподобного Иоанна Рыльского, небесного покровителя кронштадтского пастыря.

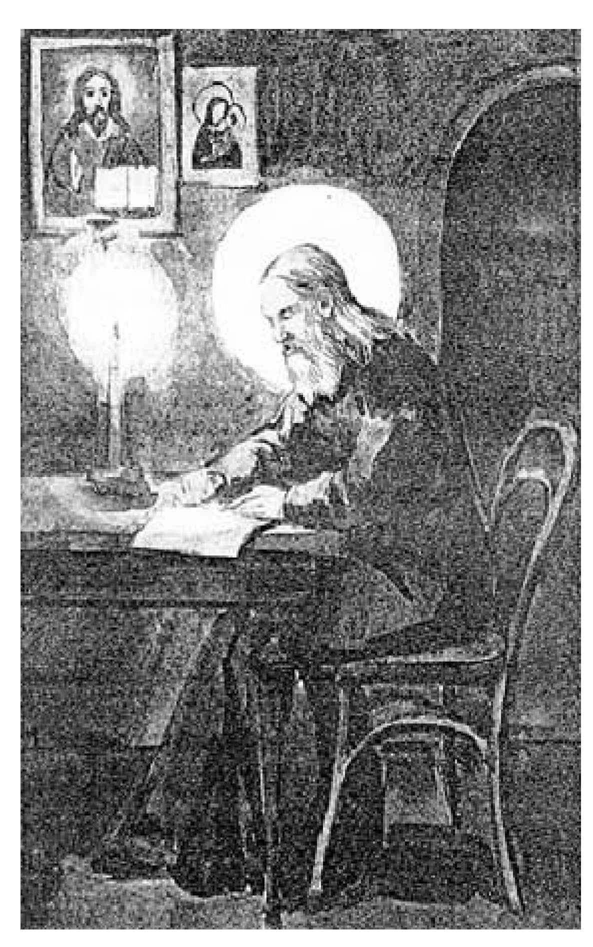
***

К концу царствования императора Александра III Россия достигла неслыханного могущества. Благосостояние народа было велико. И при императоре Николае II богатство

[25] **Елеосвящение** – Таинство, совершаемое над болящим, в котором Церковь призывает на страждущего благодать Божию, исцеляющую болезни души и тела через помазание освящённым маслом (елеем). Называется ещё и соборованием, так как, по правилам, его должны совершать семь священников, то есть их «собор».

страны продолжало увеличиваться. Россия тогда кормила всю Европу. Например, урожай хлеба в нашей стране в 1913 году был намного выше, чем в США, Канаде и Аргентине, вместе взятых. Но... Накопилось в русском народе к тому времени множество грехов и беззаконий. Забыли про Бога. Некоторые даже говорили: «Бога нет, мы и без Бога хорошо проживём». Это больше всего и печалило батюшку Иоанна. «Если желаем добра себе и России, убоимся праведного суда Божия,– призывал кронштадтский пастырь,– покаемся нелицемерно в своих беззакониях, перестанем вершить зло, научимся творить добро...».

Не слушали пророка Божия; и не только не покаялись люди, но и стали хулить Духа Святаго, действующего через отца Иоанна. Над Батюшкой начали смеяться, возводить на него напраслину, порой просто издеваться... Российское общество словно бы ослепло от тьмы собственного неверия. Вместо покаяния некоторые дошли до того, что, как писал отец Иоанн, «скрытно работая в потаённых комнатах над составлением убийственных снарядов», подкладывали их тем, кого считали нужным лишить жизни. Убийства... Убийства ни в чём не повинных людей... «Вот к чему способен стал человек, уподобившийся в своей злобе злым духам, губящим жизнь человеческую... Отчего ныне многие ненавидят Россию и желают ей зла и злорадствуют о её неудачах? – вопрошал пастырь.– Оттого что они отвергли учение Матери своей Церкви. А кто не признаёт Церковь Матерью, тот не может быть и верным сыном отечества, и – не видать ему Отечества Небесного, к которому готовит нас Церковь, нас как странников и пришельцев земных». Знал отец Иоанн, сколько крови прольётся, если в нашем государстве начнётся революция: «Если в России так пойдут дела и если Россия не очистится, то она опустеет, как древние царства и города, стёртые правосудием Божиим с лица земли за своё безбожие и свои беззакония».

Отец Иоанн за работой над своим дневником

Незадолго до своей кончины отец Иоанн в проповедях многократно пророчествовал и громогласно взывал: «Кайтесь! Кайтесь! Приближается ужасное время! Оно ужасно, столь ужасно, что вы и представить себе не можете!». Он не говорил, он взывал, воздев руки. Впечатление было потрясающее: ужас овладевал присутствующими, многие плакали...

Так всё и случилось. Отход русского общества от Бога и Церкви навлёк на Россию Божий гнев. В 1917 году началась революция, затем – гражданская война. Брат убивал брата. Сын предавал отца. Вся земля русская была залита кровью... В Екатеринбурге расстреляли царскую семью... Затем – аресты многих сотен тысяч безвинных людей, массовые расстрелы священников, монашествующих, верных Богу, Церкви и отечеству мирян... И бесконечные распри, продолжающиеся по сей день... Реки, море крови...

Нет пророка в своём отечестве! Не слушали отца Иоанна!

Уже после смерти Батюшки в Иоанновском монастыре на Карповке собрались некоторые духовные лица. Это было в 1916 году. Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, была в разгаре. Собравшиеся читали дневник кронштадтского пастыря.

Оказывается, Батюшка за много лет до этой великой войны точно описал в своём дневнике и участников войны, и её исход. Военные неудачи России и связанную с ней революцию отец Иоанн также предсказал. Он указал на продолжительность господства революционных идей, на бесчисленные жертвы революции, на потоки крови, на горе и на несчастья всего населения...

***

Последние три года своей жизни отец Иоанн часто болел. В своём дневнике он писал: «Сила моя физическая истощилась, зато дух мой бодр и горит к возлюбленному моему Жениху, Господу Иисусу Христу...».

9 декабря 1908 года Батюшка последний раз отслужил Божественную литургию в Андреевском соборе Кронштадта. Больше из дома он не выходил. Причащали отца Иоанна каждый день. Пищу он уже совсем перестал принимать, а вместо лекарств употреблял святую воду из источника преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Отцу Иоанну – великому угоднику Божию – был открыт и день его кончины: задолго до смерти он несколько раз спрашивал, много ли дней осталось до 20 декабря. А поздравления с Рождеством Христовым он разослал близким людям ещё заблаговременно, в ноябре: «А то и вовсе не получат»,– так пророчествовал он...

Печальная весть о том, что Батюшка умирает, подобно молнии, в один миг разнеслась по всему Кронштадту. В Андреевском соборе, не дожидаясь утра, отслужили литургию. Все присутствующие на ночной службе, в том числе священнослужители, совершавшие её, плакали.

По окончании Божественной литургии священники со Святыми Дарами отправились на квартиру отца Иоанна. Больного причастили. В шесть часов утра начали читать молитву на исход души. Батюшка лежал безмолвно, с закрытыми глазами.

В 7 часов 40 минут утра 20 декабря 1908 го-да на восьмидесятом году жизни отец Иоанн тихо отошёл ко Господу.

Тело праведника было торжественно перевезено из Кронштадта в Ораниенбаум прямо по льду. Сопровождавшие Батюшку были поражены тем, что лёд Финского залива, слабый и тонкий на тот момент, выдержал огромную массу народа. В Ораниенбауме скорбящую процессию встретили тысячи рыдающих людей. Колокола звонили непрерывно. Когда поезд с телом отца Иоанна отправился в сторону Петербурга, многие упали на колени и с плачем крестились вслед ему. Поезд, приближаясь к каждой станции, замедлял ход, но не останавливался. И везде – на каждой станции, на каждом полустанке – ожидал Батюшку скорбящий народ.

На улицах Петербурга похоронную процессию встречали войска. Так на Руси в последний путь ещё не провожали никого и никогда. Не бывало ещё похорон с такой огромной плачущей толпой. Плакали все – и простолюдин, и влиятельный чиновник, занимающий высокое положение... Общее горе объединило и уравняло всех. «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной?! Кто придёт нам на помощь, сирым и немощным?! Не оставляй нас! Молись за нас, грешных!» – доносилось со всех сторон...

Гроб поставили в соборе Иоанновского женского монастыря. Желающие проститься с Батюшкой шли нескончаемым потоком... Когда гроб подняли и понесли к месту упокоения, храм огласился рыданиями. Многие теряли сознание...

Похоронили кронштадтского пастыря в церкви-усыпальнице, специально устроенной в нижнем храме собора Иоанновского монастыря. Над местом погребения поставили мраморное надгробие. Горела неугасимая лампада. Каждый год, по повелению

императора Николая II[26], 20 декабря (2 января нового стиля) совершались литургии и панихиды[27].

После кровавых событий 1917 года у Иоанновского монастыря были отобраны все здания. Монахини выселены. Усыпальница осквернена. Мраморное надгробие уничтожено. Имя отца Иоанна Кронштадтского было опасно даже произносить. «Нечестивые правители», о которых когда-то пророчествовал Батюшка, делали всё, чтобы народ православный забыл о кронштадтском чудотворце.

Но и во времена самых лютых гонений на Церковь люди всегда приезжали, как тогда говорили, «на Карповку», к стенам монастыря,– помолиться, попросить помощи, поблагодарить отца Иоанна за его предстательство пред Богом.

Над окном усыпальницы всегда был начертан крест. Безбожные власти приказывали его беспощадно смывать. Но крест, стараниями благочестивых людей, появлялся вновь. Его опять смывали, стирали... В конце концов крест был высечен ревнителями памяти отца Иоанна прямо на граните.

У небольшого оконца усыпальницы всегда лежали живые цветы – знак благодарности и любви к кронштадтскому пастырю, ведь чудеса и помощь по молитвам Батюшки продолжались и после его смерти...

В июне 1990 года Архиерейским Собором Русской Православной Церкви отец Иоанн Кронштадтский был канонизирован, то есть причислен к лику святых. Усыпальницу восстановили. Монастырские здания возвратили Церкви. И сейчас сюда, на Карповку, не только со всех сторон нашей необъятной Родины, но и со всего света едут паломники[28] помолиться угоднику Божию, испросить его молитвенной помощи, заступничества у Господа. И дивные чудеса неизменно продолжают совершаться...

Святый праведный отче наш Иоанне, моли Бога о нас!

---

[26] Сразу после кончины отца Иоанна Николай II предсказал, что великий праведник будет впоследствии прославлен, и установил день ежегодного церковного молитвенного поминовения Батюшки.

[27] **Панихида** – молебное пение об усопших.

[28] **Паломники** – богомольцы, странствующие по святым местам.